

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ЛИНГВИСТОВ № 07-03/19

г.Москва

«15» марта 2019 г.

Время производства исследования:

Исследование начато: «22» февраля 2019 г. в 15 часов 30 минут.

Исследование окончено: «15» марта 2019 г. в 11 часов 45 минут.

Место составления лингвистического заключения: **помещение Регионального общественного объединения «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)»: Москва, ул.Кибальчича, д.11, корп.1; часть исследований проведена по адресу постоянного проживания специалиста И. В. Жаркова: Санкт-Петербург, ***** ***, д. ***, кв. ***. Совещания специалистов производились с использованием электронных средств коммуникации, включая средства аудио- и видеоконференцсвязи, обмен сообщениями мессенджеров и электронной почты.**

Сведения об экспертном учреждении: **Региональная общественная организация «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам» (в дальнейшем также ГЛЭДИС, РОО ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации**

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.

общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Основания производства лингвистического исследования:

- **запрос №1/19 от 18.02.2019** Татьяны Георгиевны МАРТЫНОВОЙ, адвоката (№60/227 в реестре Псковской городской коллегии адвокатов), осуществляющей защиту подследственной Прокопьевой Светланы Владимировны по уголовному делу №11902580010010006, возбуждённому 05.02.2019 г. следователем Второго отдела по расследованию особо важных дел (о преступлениях против государственной власти и в сфере экономики) СУ Следственного комитета РФ по Псковской области Д. С. Павловым по обвинению С. В. Прокопьевой в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 205² УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», в соответствии: с п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», согласно которому адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также общественных объединений и иных организаций; с п. 3 ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которому защитник также вправе собирать доказательства путём истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии;
- **приказ** председателя правления Региональной общественной организации «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)» проф. М. В. Горбаневского № 06/02-19э от 22.02.2019 г. о формировании комиссии специалистов-лингвистов для проведения научно-экспертных работ по запросу адвоката Мартыновой Т.Г. №1/19 от 18.02.2019.

Комиссия специалистов-лингвистов Гильдии по документационным и информационным спорам в составе:

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, начальника научно-методического отдела РОО ГЛЭДИС Жаркова Игоря Вениаминовича — кандидата филологических наук (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности — 30 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 048-01/17-сэ от 30.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 30 января 2017 г., протокол № 55);

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Ученого секретаря ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, академика РАЕН Мамонтова Александра Степановича (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., стаж работы по специальности – 42 года, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 051-01/17-сэ от 31.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 31 января 2017г., протокол № 56);

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Заместителя Председателя Правления ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора кафедры массовой коммуникации филологического факультета Российского университета дружбы народов Трофимовой Галины Николаевны (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 024624 от 18.02.2005 г., стаж работы по специальности - 30 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 046-01/17-сэ от 28.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2017 г., протокол №53) —

произвела комиссионное лингвистическое исследование представленных материалов.

Для производства комиссионного лингвистического исследования предоставлены в электронном виде следующие **материалы**:

- **фонограмма** в аудиофайле, содержащем запись радиозэфира авторской программы Прокопьевой С.В. «Минутка просветления» на тему «Светлана Прокопьева в эфире «Эха Москвы» прольёт свет на то, что осталось в тени, но заслуживает внимания» от 08.11.2018;
- файл в формате PDF, содержащий **скриншоты интернет-страницы авторской программы Прокопьевой С.В. «Минутка просветления»** от 08.11.2018;
- файл в формате .DOCX, содержащий **текст авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства»**, размещённого 08.11.2018 г. в электронном периодическом издании «Псковская лента новостей» (ПЛН);
- файл в формате PDF, содержащий **скриншоты интернет-страницы авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства»**, размещённого 08.11.2018 г. в электронном периодическом издании «Псковская лента новостей» (ПЛН).

На разрешение комиссии специалистов поставлены следующие вопросы:

1. Имеются ли в тексте авторского печатного материала Прокопьевой С.В. «Репрессии для государства» высказывания, в которых выражается признание идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании; если имеются, то какие именно это высказывания?

2. Может ли словосочетание «заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» (в диспозиции прим. 1 к ст.205² УК РФ) рассматриваться как описательное в отношении текста авторского печатного материала Прокопьевой С.В. «Репрессии для государства» в целом или каких-то его фрагментов?

3. Содержатся ли в представленном тексте авторского печатного материала Прокопьевой С.В. «Репрессии для государства» лингвистические признаки оправдания терроризма?

Обстоятельства дела известны комиссии специалистов из представленных материалов в объеме представленного.

ИССЛЕДОВАНИЕ

1. Методические основы исследования

Для разрешения поставленных вопросов использовались методы анализа значений слов, смыслового содержания высказываний и текста, разработанные в лингвистической семантике и лингвостилистике, в том числе трансформационные. Исследование проводилось в соответствии с методиками лингвостилистического, текстологического, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа русскоязычного текста, рекомендованными к практическому использованию решением Научно-методического совета при Правлении Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС). В основу методики исследования положены методические рекомендации и понятийный аппарат, изложенные в работах по теории и практике судебной экспертизы [3, 4, 5, 8 и др.] и в работах по лингвистической экспертизе (род экспертизы, соответствующий экспертной специальности 26.1 «Исследование продуктов речевой деятельности», согласно классификации родов и видов экспертиз и экспертных специальностей, отраженной в перечнях, утвержденных приказом Минюста России № 237 от 27.12.2012 г.) [1, 2, 7, 16, 17, 21, 22, 43]. Проводилось аудирование фонограммы, при этом методом аудирования устанавливалось дословное содержание высказываний, зафиксированных фонограммой. Применялись общенаучные методы, включая методы анализа и синтеза. Проводился экспертный осмотр представленных материалов и объектов. Использовалась ПЭВМ следующей конфигурации: IBM PC-совместимый (X86-based PC) компьютер с двухъядерным центральным процессором AMD Phenom(tm) II X2 550 Processor с тактовой частотой 3100 МГц, количество логических процессоров — 2, объем ОЗУ 8 Гбайт, жесткий диск WDC WD1002FBYS-02A6B0 ATA Device емкостью 1 Тбайт, под управлением ОС Microsoft Windows 7 Домашняя расширенная версии 6.1 с установленным пакетом обновления Service Pack 1. При прослушивании фонограммы применялась программа «Проигрыватель Windows Media» версии 12.0.7601.23930.

Поставленные перед комиссией специалистов-лингвистов вопросы частично взаимосвязаны, разрешались совместно.

Каждый из специалистов-лингвистов произвел исследование представленных материалов в полном объеме.

1.1. Нормативная база исследования

Нормативной базой исследования, определяемой исходя из содержания поставленных перед комиссией специалистов-лингвистов вопросов и с учетом известных комиссии обстоятельств дела, относящихся к природе конфликтной ситуации (имеются сомнения относительно самостоятельности одного из представленных заключений), которая является источником настоящего экспертного исследования, рассматриваемого комиссией специалистов-лингвистов с точки зрения общей теории судебно-экспертной деятельности, послужили следующие законы и нормативные документы.

1. Конституция Российской Федерации.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.
4. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ.
5. Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ.
6. Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».
8. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года.
9. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года.
10. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 года.
11. Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 года о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.
12. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года.

1.2. Литература

При проведении лингвистического исследования использовалась научная и методическая литература, а также ряд словарей русского языка. В том числе:

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. — М.: Русские словари, 1999.
2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. — М.: Норма, 2006.
3. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007.
5. Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (*Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора*).
6. Большой толковый словарь русского языка. / Под ред. С. А. Кузнецова — СПб.: НОРИНТ, 2004.
7. Бринев К.И.. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
8. Галяшина Е., Горбаневский М., Стернин И. Лингвистические признаки диффамации в теории и практике судебных лингвистических экспертиз. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6)/2005, с.24-40.
9. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
10. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 2001.

11. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. — 2-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2005.
12. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. — 2-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1980.
13. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М., «Наука», 1988.
14. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998.
15. Казарина В.И. Современный русский синтаксис. Структурная организация простого предложения. — Елец, 2007.
16. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.
17. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. — М.: Норма, 2004.
18. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. — М., 2003.
19. Крысин Л.П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. — М.: Эксмо, 2008.
20. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. — СПб.: Норинт, 2002.
21. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
22. Леонарди Д. Анализ диффамационного законодательства: разграничение между утверждением о факте и выражением мнения. //Взгляд. Ежеквартальный аналитический бюллетень. ФЗГ, 1(6) / 2005, с.40-65.
23. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
24. Новый словарь сокращений русского языка / Под ред. Е. Г. Коваленко. — М.: Издательство «ЭТС», 1995.
25. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина / Под ред. В. В. Морковкина. — 2-е изд., испр. — М.: Астрель, 2002.
26. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
27. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004;
28. Понятия чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А. К. Симонова и М. В. Горбаневского. — М.: Медея, 2004.
29. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. — М., Московская международная школа переводчиков, 1994.

30. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
31. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005.
32. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
33. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т./ АН СССР. Ин-т рус. яз.; Под ред. Р. П. Рогожниковой. — М.: Рус. яз., 1991.
34. Словарь иностранных слов. — 18-е изд., стер. — М.: Рус яз., 1989.
35. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. – СПб.: ПИТЕР, 2004.
36. Современный /словарь иностранных слов. — М.: Рус. яз., 1992.
37. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005 г.;
38. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. – М.: Амалфея, 2003.
39. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. /Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
40. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. д.ю.н, проф. Россинской Е.Р. – Москва, 2006.
41. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складчиковой. — М.: Эксмо, 2006.
42. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: ТЕРРА, 1996.
43. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. //Под ред. проф. М.В. Горбаневского – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
44. Шмид В. Нарратология. — М.: Языки славянской культуры, 2003.

1.3. Понятийный аппарат и основные методические положения лингвистического исследования

Подлинное содержание и свойства текста как продукта речевой деятельности выявляются с помощью специальных лингвистических методик, с использованием особых терминов, в том числе общезыковых и общенаучных понятий, таких как *информация*, *высказывание*, *контекст*, которые употребляются в лингвистической экспертизе в специальных значениях.

Информация (сведения) — совокупность языковых высказываний о мире, событиях и о положении дел, об отношении отправителя информации к этим событиям. Информация может быть, в частности:

- **фактологической** — о конкретных ситуациях, происшествиях или событиях, о поступках или поведении физического лица, о деятельности лица юридического;
- **обобщающей** — о типичных событиях, типичном поведении человека, типичных представителях каких-либо групп, о житейских обычаях и т. п.;
- **этически оценочной** — о качествах и поступках людей, о ситуациях или событиях, которые в какой-либо картине мира, в какой-либо ценностной системе описываются как хорошие или плохие;
- **концептуально-аналитической** — о природных или социальных закономерностях, причинно-следственных и иных связях между явлениями реальной действительности;
- **директивной** — организующей поведение людей. Директивная информация может выражаться в различных формах, например, просьбы, требования, информирования об обязанностях. Частный случай высказывания, содержащего директивную информацию, — вопрос, выражающий запрос тех или иных сведений (за исключением так называемых риторических вопросов, характеризующихся иными коммуникативными намерениями). **Адресат** директивной информации — лицо или лица, по отношению к деятельности которых данная информация является организующей.

Источник информации (сведений) — тот, кто предоставляет информацию. Источники информации могут быть определенными: поименованными в тексте (*Как сообщил пресс-секретарь, Как сообщил В. В. Иванов, Как сообщает РИА "Новости"*) или анонимными, неназванными (*Как сообщил представитель Администрации Президента, не пожелавший себя назвать*), — а также неопределенными (*По слухам, Как говорят все, По некоторым сведениям, Как нам стало известно*).

Высказывание — речевая единица, передающая относительно законченный фрагмент информации, сведений.

Контекст слова, выражения, высказывания — относительно законченная в смысловом отношении часть текста, достаточная для понимания смысла употребления этого слова, выражения, высказывания в конкретном тексте. Влияющие на смысловое восприятие слова, выражения или высказывания фрагменты текста, предшествующие этому слову, выражению или высказыванию, называются его предыдущим, или левым контекстом; фрагменты текста, находящиеся в тексте после слова, выражения или высказывания, формируют их последующий, или правый контекст. Наибольшее влияние на смысловое восприятие компонентов текста оказывает их предыдущий контекст. Необходимость рассмотрения последующего контекста, как правило, возникает в ситуациях, когда левый контекст не является достаточным для осмысленного непротиворечивого толкования компонента текста или в его правом контексте имеются высказывания, уточняющие или раскрывающие его смысл и тем самым влияющие на его интерпретацию.

Текст — максимальная речевая единица, несущая целостный смысл. Как правило, в целях адекватного анализа высказывания, даже в тех случаях, когда вопросы задаются только по отдельным фрагментам текста, в лингвистической экспертизе необходимо

анализировать текст целиком. Такой анализ позволяет выявить контекст высказываний, без которого понимание их смысла невозможно. Стилистический анализ отдельных высказываний также требует их сопоставления с общими стилистическими свойствами текста. Языковые средства, недопустимые и социально неприемлемые в передовице серьезной газеты, вполне уместны в фельетоне, который может быть опубликован в той же самой газете на другой полосе. Стилистика текста определяется как его жанром, так и авторскими особенностями стиля.

Конситуация текста, высказывания — обстоятельства и факты реальной действительности, существующие на момент создания текста, влияющие на коммуникативные установки говорящего (автора текста). Анализ конситуации позволяет установить подлинный смысл высказываний, составляющих текст, а для ситуации диалогической речи — установить также, как именно было понято то или иное высказывание собеседником.

Мнение (о фактах, событиях, лицах) — суждение, выражающее чью-нибудь точку зрения, отношение к кому-либо, чему-либо. Мнение может выражаться: 1) в форме предположения; 2) в форме утверждения. Мнение в форме предположения выявляется на основе формальных признаков — распознается по наличию специальных маркеров, предусмотренных системой языка, то есть определенных слов и конструкций (например: *по моему мнению; мне кажется; я думаю; надо полагать, что* и др.). Мнение в форме утверждения таких маркеров не содержит, выявляется на основе семантических (смысловых) свойств суждения. Для распознавания мнения, выраженного в утвердительной форме, имеет значение прежде всего характер информации, содержащейся в высказывании (оценочная, аналитическая, обобщающая).

Утверждение — высказывание (выражение мнения, суждение), в котором утверждается что-либо и в котором отображается связь предмета и его признаков. Утверждение грамматически выражается формой повествовательного предложения — как невосклицательного, так и восклицательного. Утверждения могут быть истинными (соответствуют действительности) или ложными (не соответствуют действительности).

В зависимости от характера выражаемой информации утверждение может быть утверждением о фактах (например, *Иван имеет рост 1 м 80 см*), оценочным суждением — субъективным мнением (*Иван высок*), в том числе негативно окрашенным (*Иван — дылда*), обобщающим утверждением — выводом (*столбы обычно высоки*) и т. д.

Утверждение о фактах всегда основано на **знаниях**, которыми обладает говорящий. Утверждения о фактах подлежат **верификации** — проверке на соответствие действительности. Соответствие действительности не следует путать с **истинностью** высказывания. Истинными или ложными могут быть признаны высказывания, по форме представляющие собой не только утверждения, но и предположения, выводы и т. п. Истинность высказывания *Основная причина сегодняшнего благополучного положения России — высокий уровень мировых цен на энергоносители* может быть подтверждена или опровергнута методами экономической науки, однако такое исследование не является верификацией. Достаточно сказать, что истинностная оценка этого высказывания зависит от критериев, применяемых при оценке истинности таких его компонентов, как *основная причина* или *высокий уровень цен*.

Оценочные утверждения (содержащие оценку мнения или предположения, выраженные в форме утверждений), как правило, нельзя верифицировать — проверить на соответствие действительности. Например, нельзя верифицировать утверждение *Елкин* —

ленивец, так как у каждого свое представление о лени. Но ср.: *Елкин плохо работает* - утверждение, содержащее оценку (*плохо*), которое подлежит проверке на соответствие действительности, так как есть критерии нормальной работы (например, должностные инструкции, нормы трудового законодательства). Бесспорным критерием соответствия действительности той или иной оценки могут служить также вступившие в законную силу судебные решения и приговоры, содержащие оценку соответствующего факта.

Предположение, в отличие от утверждения, содержит специальные **маркеры предположительности** — слова, обороты и грамматические средства, выражающие неуверенность, сомнение, вероятность происхождения того или иного события, одну из ряда возможных версий (например, *может быть, вероятно, по-видимому, как представляется, думается*). Предположение является одной из форм выражения мнения, когда автор текста хочет подчеркнуть предварительный характер высказываемых доводов или собственную неуверенность в их достоверности.

Свойство быть утверждением о фактах, оценочным суждением (оценочным утверждением), предположением и т. п. — это свойство самого высказывания, **форма выражения** информации, объективно ему присущая. Большинство высказываний отражают чье-то личное мнение, но это мнение может быть выражено в различных формах: предположения, утверждения о фактах и т. п.

В высказываниях-мнениях часто содержатся **скрытые** утверждения о фактах. Например: *Я считаю, что Сидоров — лежебока, потому он и опоздал* — в этом высказывании-мнении содержится оценочное суждение (*Сидоров — лежебока*) и ссылка на якобы имевший место факт "Сидоров опоздал", истинность которого не обсуждается в силу общеизвестности или очевидности. Скрытая форма высказываний противопоставлена **форме явной**. Если информация, выраженная в явной форме, оформляется отдельным предикатом, то скрытая форма выражения сведений такого оформления не имеет. Сведения в скрытой форме выражаются в различных формах, таких как именные словосочетания, адъективные словосочетания, причастные и деепричастные обороты и т. п. Информация, выражаемая в скрытой форме, может быть как фактической, так и оценочной, аналитической или обобщающей, такая информация может сопровождаться различными маркерами предположительности сообщаемых сведений и иными маркерами выражения мнения, как, например, в высказывании *Характерная для многих мусульман практика применения хиджаба в процессе обучения в светских образовательных учреждениях была названа докладчиком социально опасным явлением, противоречащим, по его убеждению, основам конституционного строя Российской Федерации*. При отсутствии таких маркеров скрытая форма выражения информации рассматривается как утвердительная. В приведенном примере наряду с выраженной в явной форме фактической информацией (докладчик назвал практику ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях социально опасным явлением) присутствует множество сведений, выражаемых в скрытой форме: практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является социально опасным явлением (аналитическая информация с элементами оценки в утвердительной форме, со ссылкой на докладчика как источник сведений, отражает мнение докладчика); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях является характерной для многих мусульман (обобщающие сведения в утвердительной форме, отражают мнение говорящего); практика ношения хиджаба в светских образовательных учреждениях противоречит основам конституционного строя РФ (аналитическая информация в форме убеждения докладчика).

Существует также **пресуппозитивная (затекстовая) форма**, когда информация о каких-то аспектах события в тексте непосредственно не выражена, но подразумевается. Пресуппозитивная форма является объективной, так как соответствующая информация извлекается из текста любым носителем языка на основе элементарной логики и здравого смысла. Однако не любой вывод, который можно сделать на основе логического анализа текста, может быть отнесен к пресуппозитивной информации. Информация, выраженная в пресуппозитивной форме, объективно присутствует в тексте лишь в том случае, если без этой информации полное понимание текста невозможно. Например, в высказывании *Иван работает на заводе уже двадцать лет* присутствует пресуппозитивная информация «Иван — взрослый человек, находящийся в трудоспособном возрасте». Поскольку пресуппозитивная информация воспринимается слушающим как **заведомо истинная**, пресуппозитивная информация фактического типа в большинстве случаев приравнивается к **утверждениям о фактах**.

Содержание, или **смысл высказывания** — мысль, суждение, или их фрагмент, отраженные в структуре высказывания (предложения, фрагмента текста, текста), а также складывающиеся из значений и порядка слов, составляющих высказывание.

Интерпретация — раскрытие смысла, содержания чего-либо.

Восприятие речи — процесс извлечения адресатом речевого сообщения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний. В общем случае результат восприятия речи носит субъективный, индивидуальный характер и не может рассматриваться, в отличие от смысла высказываний, как объективное свойство продукта речевой деятельности, подлежащее установлению методами лингвистической экспертизы.

Анафорические связи в тексте — отношения между частями текста (между словами, словосочетаниями, высказываниями), при которых в смысл одного слова (словосочетания, высказывания) входит отсылка к другому слову (словосочетанию, высказыванию). Чаще всего в спорных текстах эксперты сталкиваются с анафорическим употреблением местоимений. Например: *Петров брал взятки, но ему всегда было мало денег* - во второй части предложения местоимением ему поименован Петров, названный в первой части предложения. Но в языке существуют и иные анафорические средства. Например: *Можно выбрать тот проект, за который в конверте принесут откат, и это было на всех этажах прежнего министерства. И это же продолжается в теперешнем Агентстве* — информация о действиях министерства, изложенная в первом предложении, полностью относится к действиям Агентства. То есть: в Агентстве, как и в министерстве, выбирают проекты, за которые приносят откаты.

Тема — известное, исходное, данное, то, о чем говорится в высказывании или фрагменте текста. В общем случае высказывание или фрагмент текста может содержать информацию, относящуюся к нескольким потенциальным темам. В зависимости от контекста актуализируются те или иные потенциальные темы. Выделение потенциальных тем возможно с разной степенью конкретизации. Разделение потенциальной темы на отдельные подтемы и объединение нескольких тем в гипертему носит условный характер, не оказывает решающего влияния на результаты лингвистического исследования; основным критерием, определяющим необходимую степень конкретизации той или иной темы, является операциональность. Под темой высказывания или фрагмента текста в настоящем заключении понимается актуализированная потенциальная тема. Термин *тема* не используется в настоящем заключении в узкоспециальном значении компонента высказывания, выделяемого в рамках актуального членения предложения.

Экспрессия — яркое проявление чувства, настроения, переживания; выразительность.

Значения слов, устойчивых словосочетаний, грамматических средств языка фиксируются в словарях и грамматиках. **Словарные значения** охватывают подавляющее большинство случаев употребления слов в реальных текстах.

В речи слова вступают между собой в синтаксические связи, образуя словосочетания, предложения и иные единицы речи, которых нет в системе языка в готовом виде. Возможные значения словосочетания определяются так называемым «сложением» значений входящих в него слов по соответствующим синтаксическим правилам.

Вступление слов в синтаксическую связь и образование словосочетания возможно лишь при условии соблюдения принципа **синсемичности** — принципа сочетания слов, основанного на наличии у них общих **сем** (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению.

Так, словосочетание *синий шарф* вполне возможно и осмысленно в современном русском языке, в то время как словосочетание **синий лепет* бессмысленно и невозможно с точки зрения системы языка, поскольку нарушает принцип синсемичности (если прилагательное *синий* и существительное *лепет* использованы в общепринятых, словарных значениях).

Принцип синсемичности (семантического согласования, итеративности сем) основан на объективно существующих свойствах предметов. Не вызывает сомнения, что предметы не существуют в виде чистой субстанции, отдельно от своих свойств и их отношений к другим предметам. Как не существует предмет вне своих свойств, так и свойства не существуют независимо от предметов, вне связи этого предмета с другими предметами. Смысловая соотносительность, сохраняющаяся в пределах класса лексем, позволяет обладателям идентичных сем объединяться в межчлестеречные лексико-семантические поля, компоненты которых принимают участие в репрезентации означаемого синтаксической конструкции. Замена одной лексемы на другую в структурных схемах возможна только в пределах одного семантического поля. Например, репрезентация синтаксического концепта «воздействие» осуществляется структурной схемой «кто делает что», когда в позиции именительного падежа представлен личный субъект, а в позиции винительного падежа — артефакт со значением создаваемого или разрушаемого объекта: *Воины разрушили город (крепость, укрепление, заграждение): разрушить* – «уничтожить, руша». Если же в позиции субъекта оказывается имя неодушевленного предмета (*гранатомет разрушил город*), означаемое синтаксической схемой будет иным: `кто-то гранатометом разрушил город`: неодушевленный предмет не может быть производителем действия и выступает лишь в функции орудия действия. Если же в позиции объекта разрушения оказывается личное имя, то выражение оказывается некорректным. Ср.: **Воины разрушили пленных*. Хотя синонимичный глагол *уничтожить* (`прекратить существование кого-либо, чего-либо; истребить, упразднить, ликвидировать`) вполне допускает в позиции объекта как личное, так и предметное имя. Ср.: *Воины уничтожили пленных* `истребили, ликвидировали` – *Воины уничтожили город* `ликвидировали, разрушили, сожгли`.

Формальные нарушения принципа синсемичности часто наблюдаются в образной речи, прежде всего в художественной литературе, когда вступающие в синтаксическую связь слова используются в **переносных** значениях — тропах, отсутствующих у этих слов в системе языка.

При анализе смысла, который то или иное выражение приобретает в конкретном тексте, эксперт-лингвист прежде всего принимает во внимание словарные (отраженные в толковых словарях) значения составляющих его слов и устойчивых словосочетаний. Учет словарных значений, то есть буквальное истолкование высказываний, является достаточным для адекватной интерпретации текста как основной задачи лингвистической экспертизы при выполнении следующих условий:

- объединение словарных значений слов, составляющих высказывание, не нарушает правил сочетаемости слов русского языка;
- выводимый на основе словарных значений смысл высказывания не вступает в противоречие с его контекстом или конституацией (известными эксперту обстоятельствами дела).

В некоторых случаях сформулированные условия могут оказаться нарушенными. Это означает, что какое-то слово или выражение употребляются в тексте в несловарных значениях. Речь может идти:

- о разовом, так называемом **окказиональном** словоупотреблении. Значение окказионального словоупотребления, как правило, ясно из контекста;
- об использовании слова в **новом значении**, которое еще не зафиксировано словарями. Для адекватного определения такого значения необходимо исследовать **употребление** слова в современном русском языке. Совокупность контекстов употребления позволяет установить подлинное значение слова.

Необходимость исследования употребления слов в современном русском языке возникает лишь при невозможности буквального истолкования того или иного выражения на основе словарных значений.

Отдельным значениям многозначных слов могут соответствовать свои грамматические особенности. Так, существительное *медь* в значениях «изделия из меди — химического элемента (Cu), ковкого металла желтого цвета с красноватым отливом» и «монеты из такого металла» является собирательным, в отличие от того же существительного в других значениях; глагол *подбиться* в значении «войти в доверие, снискать расположение кого-либо» требует дополнения в форме *к + дат.* (*к кому*), а в значении «напоровшись, наскочив на что-либо, повредиться» такого дополнения не требует и не принимает.

2. Предварительное исследование

Использованное в формулировке поставленных перед комиссией специалистов вопросов № 1 и № 2 существительное *признание* является трансформой глагола *признать* в значении «установить что-л., прийти к какому-л. заключению»¹ (данное значение реализуется, в частности, в сочетании с управляемыми формами *кого-что, каким, чем*).

¹ Здесь и далее словарные значения и иные смысловые конструкты оформляются с помощью так называемых «марровских» одинарных кавычек. Если не оговорено иное, словарные значения приводятся по данным «Большого толкового словаря». При этом комиссия специалистов-лингвистов принимает во внимание данные всех указанных в разделе 1.2 настоящего заключения толковых словарей современного русского языка. Отсутствие ссылок на иные лексикографические источники следует трактовать как указание на непротиворечивость данных разных словарей в отношении системы значений соответствующей лексемы. Отбор актуализированных в рассматриваемых контекстах словарных значений во всех случаях производится комиссией специалистов-лингвистов с учетом требования синсемичности — принципа

Прилагательное *правильный* в актуальных для контекста, представленного формулировкой вопросов № 1 и № 2, значениях ‘верный, безошибочный; истинный, соответствующий реальной ситуации’, ‘настоящий; такой, какой нужен; хороший, справедливый’ выражает прямую позитивную оценку характеризуемого явления реальной действительности, составляющую основное смысловое содержание приведенных значений.

Существительное *идеология* в контексте вопросов № 1 и № 2 интерпретируется как политический термин, выражающий понятие ‘система представлений, взглядов, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в том или ином обществе, в той или иной социальной группе, политической партии и т.п.’.

Существительное *практика* в контексте вопросов № 1 и № 2 интерпретируется в значении ‘накопленный опыт, совокупность приёмов и навыков в какой-л. области деятельности’.

Глагол *нуждаться* в контексте вопросов № 1 и № 2 интерпретируется в значении ‘требовать чего-л., вызывать необходимость чего-л.’.

С учетом изложенного, поставленные перед комиссией специалистов вопросы № 1 и № 2 относятся к продуктам речевой деятельности (отдельным высказываниям в случае вопроса № 1 и представленному тексту в целом в случае вопроса № 2), предположительно выражающим оценочные и аналитические суждения (выводы, заключения), содержание которых соответствует одному или обоим следующим описаниям:

- система представлений, взглядов, состоящая из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в социальной группе террористов, позитивно оценивается как верная, безошибочная, истинная, соответствующая реальной ситуации, необходимая (такая, какая нужна);
- отдельные террористические деяния или их совокупность позитивно оцениваются как верные, безошибочные, необходимые (такие, какие нужны) поступки, соответствующие реальной ситуации, аналогичные поступкам, требующимся в будущем.

Словесная конструкция «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», применяемая в Примечании 1 к ст. 205² УК РФ в качестве определения (дефиниции) понятия публичного оправдания терроризма, обязательного к применению при правовой квалификации соответствующих деяний, предполагает, что общая экспертная задача, подлежащая решению в лингвистической экспертизе по материалам уголовных дел, в рамках которых лицо обвиняется в совершении публичного оправдания терроризма, — выявление в спорном тексте отдельных высказываний, в которых выражается заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании, а также установление того, может ли рассматриваться в качестве такого заявления спорный текст в целом. Описанный подход полностью согласуется с методикой, опубликованной по решению Научно-методического совета ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России: «Публичное оправдание терроризма образует состав оконченного преступления с момента публичного выступления лица, в котором оно заявляет о признании идеологии и

сочетания слов, основанного на наличии у них общих сем (элементарных единиц смысла) и соответственно двусторонней готовности к соединению, а также грамматических признаков, проявляемых словоупотреблениями в рассматриваемых контекстах.

практики терроризма правильными и заслуживающими поддержки и подражания»¹, — и соответствует типовым вопросам, подлежащим постановке перед экспертами, описанным в указанной методике.

Существительное *терроризм* в описанном контексте интерпретируется как юридический термин, актуальная дефиниция которого дана в ст. 3 закона «О противодействии терроризму»: «терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Словосочетание *оправдание терроризма* в контексте вопроса № 3, поставленного перед комиссией специалистов-лингвистов в связи с уголовным делом по обвинению лица в совершении речевых действий, квалифицируемых как оправдание терроризма, не может трактоваться как свободное словосочетание современного русского языка, множество смыслов, которые могут быть выражены этим словосочетанием, рассматриваемым как свободное сочетание общеупотребительных слов современного русского языка, подлежит сужению (ограничению), налагаемому описанной правовой дефиницией термина *публичное оправдание терроризма*.

Система значений существительного *оправдание* в современном русском языке может быть описана, по данным «Большого толкового словаря» С. А. Кузнецова, следующим образом:

1. (значения существительного *оправдание*, рассматриваемого как трансформация глагола *оправдать*)²:

1.1. ‘процесс либо единичный акт вынесения судебного приговора, содержащего признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания’. Примеры: *оправдание судом подсудимого; оправдание подростков за недостатком улик;*

1.2. ‘процесс либо единичный акт признания кого-либо правым, поступившим непредсудительно’. Пример: *невозможность оправдания его за пассивность;*

1.3. ‘процесс либо единичный акт признания чего-либо допустимым, возможным, непредсудительным’. Примеры: *оправдание чьих-либо действий; невозможность оправдания его поступка; жестокость не подлежит оправданию; оправдание поступка молодостью; оправдание преступления его непреднамеренностью;*

1.4. ‘процесс или единичный акт действия, в котором лицо показывает себя достойным чего-л., заслуживающим чего-либо’. Примеры: *оправдание надежд; оправдание мною ваших ожиданий;*

2. ‘приговор суда, содержащий признание невиновности подсудимого’. Примеры: *дело кончилось оправданием; суд вынес оправдание;*

3. ‘признание кого-л. невиновным, поступившим непредсудительно; доводы, объяснения, позволяющие оправдать, извинить кого-, что-либо’. Примеры: *искать, найти*

¹ О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014, с. 11.

² Значение глагола *оправдать* 5 ‘возместить, окупить’, по мнению комиссии специалистов-лингвистов, не способно к реализации в трансформе *оправдание*. Словесные конструкции вида **оправдание покупки машины доходами от извоза* или **оправдание себя дорогостоящей техникой* представляются надуманными, не соответствуют современному русскому узусу (сложившейся практике употребления единиц языка в речи).

оправдание; для оправдания своего незнания жаловаться на отсутствие книг; выслушать чьи-либо оправдания; ты не прав, оправдания здесь не нужны; сказать что-либо в свое оправдание; привести в свое оправдание еще один аргумент.

4. ‘обоснование целесообразности, закономерности, справедливости чего-либо’.

Пример: *построенный дом — оправдание творческого поиска архитектора.*

5. ‘возмещение чем-либо равноценным (утраченного или затраченного)’. Примеры: *оправдание потерь; оправдание затраченных сумм на строительство железной дороги; оправдание дорогой покупки.*

Другие толковые словари современного русского языка описывают систему значений существительного *оправдание* сходным образом.

Сопоставление приведенных словарных значений общеупотребительного существительного современного русского языка *оправдание* с дефиницией термина *публичное оправдание терроризма*, данной в Примечании 1 к ст.205² УК РФ («публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании») по семантическим компонентам показывает, что в качестве **актуальных для контекста**, представленного указанным примечанием, могут рассматриваться значения **1.2, 1.3 и 4**:

- 1.2. ‘процесс либо единичный акт признания кого-либо правым, поступившим непредосудительно’;
- 1.3. ‘процесс либо единичный акт признания чего-либо допустимым, возможным, непредосудительным’;
- 4. ‘обоснование целесообразности, закономерности, справедливости чего-либо’.

Прочие словарные значения указанного существительного **исключаются** по следующим основаниям:

- значение 1.1 ‘процесс либо единичный акт вынесения судебного приговора, содержащего признание подсудимого невиновным, не заслуживающим наказания’, — в частности, поскольку выражаемые в судебных приговорах суждения о невиновности подсудимого не подразумевают обязательного отсутствия в его поступках, получающих подобную оценку, компонентов, которые не оцениваются как неправильные с точки зрения существующих в обществе моральных норм и этических принципов. Признание совершенного подсудимым поступка не подлежащим правовой квалификации как поступка, заслуживающего наказания, вовсе не означает, что этот поступок является правильным (это вполне может быть низкий, предосудительный поступок) и подобные действия заслуживают поддержки и подражания;
- значение 1.4 ‘процесс или единичный акт действия либо состояние, в котором лицо показывает себя достойным чего-л., заслуживающим чего-либо’ — поскольку в данном значении существительное *оправдание* не может обозначать какой-либо продукт речевой деятельности, а существительным *заявление* в рассматриваемом контексте Примечания 1 к ст.205² УК РФ могут обозначаться лишь продукты речевой деятельности;
- значение 2 ‘приговор суда, содержащий признание невиновности подсудимого’ — по основаниям, полностью аналогичным описанным выше для значения 1.1;

- значение 3 ‘признание кого-л. невиновным, поступившим непредосудительно; доводы, объяснения, позволяющие оправдать, извинить кого-, что-либо’ — по основаниям, аналогичным описанным выше для значения 1.1;
- значение 5 ‘возмещение чем-либо равноценным (утраченного или затраченного)’ — по основаниям, полностью аналогичным описанным выше для значения 1.4.

Каждое из значений 1.2, 1.3 охватывает круг речевых действий, более широкий по отношению к контекстному значению существительного *оправдание*, реализованному в Примечании 1 к ст.205² УК РФ («публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании»):

- 1.2. ‘процесс либо единичный акт признания кого-либо правым, поступившим непредосудительно’ — компоненты ‘право́та’ и ‘непредосудительность’ в совокупности приблизительно соответствуют компоненту ‘правильность’, однако компоненты ‘нуждается в поддержке’ и ‘нуждается в подражании’ в данном словарном значении отсутствуют, хотя и не вступают с ним противоречие;
- 1.3. ‘процесс либо единичный акт признания чего-либо допустимым, возможным, непредосудительным’ — компоненты ‘допустимость’, ‘возможность’ и ‘непредосудительность’ в совокупности приблизительно соответствуют компоненту ‘правильность’, однако компоненты ‘нуждается в поддержке’ и ‘нуждается в подражании’ в данном словарном значении отсутствуют, хотя и не вступают с ним противоречие.

В наибольшей степени соответствует контексту словарное значение 4 ‘обоснование целесообразности, закономерности, справедливости чего-либо’. Идеи *целесообразности* (‘причинной обусловленности, **закономерности**, внутренней оправданности; соответствия поставленной или намеченной цели, **разумности, практической полезности**’), *закономерности* (‘**подчиненности действию законов, отражающих объективно существующую необходимую связь между явлениями**, внутреннюю существенную взаимосвязь между причиной и следствием, **устойчивое отношение между явлениями; логической оправданности, обоснованности**’), *справедливости* (‘соответствия истине или действительности; **правильности, верности**’) в совокупности формируют комплексное описание содержания продукта речевой деятельности, выражающего заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

Сказанное позволяет констатировать, что значение, выражаемое существительным *оправдание* в контексте Примечания 1 к ст.205² УК РФ, определяющего *публичное оправдание терроризма* как «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании», соответствует словарному значению 4 указанного существительного ‘обоснование целесообразности, закономерности, справедливости чего-либо’.

Типы информации, соответствующие различным компонентам указанного контекстного значения, — оценочный и концептуально-аналитический.

С учетом изложенного, в качестве специальных лингвистических признаков оправдания терроризма подлежат рассмотрению следующие предположительно выражаемые в спорном продукте речевой деятельности сведения:

- суждения, выражающие оценку идеологии и (или) практики терроризма как правильных, справедливых, разумных, практически полезных;
- суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможная в будущем деятельность адресата текста являются целесообразными для адресата текста, с необходимостью вытекают из тех или иных явлений реальной действительности (являются необходимым, неизбежным следствием реально существующих обстоятельств) — тем самым нуждаются в подражании;
- суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможные в будущем действия иных (отличных от адресата текста) лиц являются целесообразными для адресата текста, с необходимостью вытекают из тех или иных явлений реальной действительности (являются необходимым, неизбежным следствием реально существующих обстоятельств) — тем самым нуждаются в поддержке.

С учетом изложенного, **исследованию подлежит** представленный текст «Репрессии для государства» (в дальнейшем также *исследуемый текст, спорный текст*).

Предоставленная для производства исследования фонограмма в аудиофайле, содержащем запись радиоэфира авторской программы С. В. Прокопьевой «Минутка просветления» от 08.11.2018, имеет формат .mp3, MPEG Audio, версия формата 1, количество каналов 2, с применением кодирования типа «смешанное стерео (joint stereo)». Длительность записи 5 мин 37 с, скорость аудиопотока 320 кбит/с, частота дискретизации 44,1 кГц. Фонограмма допускает воспроизведение стандартными средствами.

Произведено прослушивание (аудирование) фонограммы в программе «Проигрыватель Windows Media». В ходе аудирования установлено, что в структурном отношении фонограмма соответствует записи выпуска радиопередачи, включает в себя заставку (исполнена мужским типом голоса), собственно выпуск радиопередачи (монологическая речь, исполнена женским типом голоса), отбивку (исполнена мужским типом голоса).

Речевое содержание на всем протяжении записи сопровождается фоновой музыкой, не влияющей на интерпретацию речевого содержания фонограммы и не выполняющей по отношению к нему иллюстративной функции (в частности, не упоминаемой и не описываемой в речевом содержании). Вероятно, музыкальный фон является частью формата радиопрограммы, один из выпусков которой представлен фонограммой.

При аудировании производилось сопоставление речевого содержания представленной фонограммы с текстом авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства», в отношении которого перед комиссией специалистов-лингвистов поставлены вопросы.

Установлено, что отношения между указанным речевым содержанием и указанным текстом близки к отношениям тождества. Наблюдаемые различия:

- в порядке слов («взял ответственность на себя» в речевом содержании фонограммы, «взял на себя ответственность» в тексте печатного материала; «по крайней мере, так это увидел молодой человек» в речевом содержании фонограммы, «по крайней мере, так увидел это молодой человек» в тексте печатного материала; «Правда, пришлось отпустить после звонка в службу собственной безопасности» в речевом содержании фонограммы, «Пришлось,

правда, отпустить после звонка в службу собственной безопасности» в тексте печатного материала);

- в добавлении единичного служебного словоупотребления в тексте печатного материала, отсутствующего в речевом содержании фонограммы («парень был слишком юн»; «Это пример нарочитой и адресной агрессии»);
- в выборе синонимических в соответствующих контекстах средств («додуматься до таких взрослых идей» в речевом содержании фонограммы, «додуматься до таких взрослых вещей» в тексте печатного материала; «Лия, его супруга» в речевом содержании фонограммы, «Лия Милушкина» в тексте печатного материала)

— не меняют смыслового содержания продуктов речевой деятельности сколь-нибудь существенно, не являются потенциально релевантными для разрешения поставленных перед комиссией специалистов вопросов.

Текст авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства» содержит ссылку на выпуск программы «Минутка просветления» как на источник публикуемого материала.

С учетом изложенного, текст авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства» в целом квалифицируется как полностью тождественное в смысловом отношении, близкое к дословному воспроизведение речевого содержания представленной фонограммы — записи радиозэфира авторской программы С. В. Прокопьевой «Минутка просветления» от 08.11.2018.

Полное дословное содержание исследуемого текста

Репрессии для государства

«Эхо Москвы в Пскове» (102.6 FM) представляет очередной выпуск программы «Минутка просветления». Журналист Светлана Прокопьева высказывает свое мнение и проливает свет на то, что осталось в тени, но заслуживает внимания. Псковская Лента Новостей публикует текстовую версию выпуска передачи.

Яблоко от яблони недалеко падает. Суровое государство, с жесткой, точнее, жестокой правоохранительной системой, для которой главное – наказать преступника, а не защитить права, воспитало соответствующее поколение граждан. Именно так я понимаю самое громкое событие прошлой недели – взрыв в архангельском ФСБ.

31 октября в центре Архангельска 17-летний парень вошел в здание ФСБ с самодельным взрывным устройством. Он привел его в действие прямо на рамках металлодетектора. Погиб только сам подрывник. Трое сотрудников ФСБ получили ранения.

Буквально за несколько минут до взрыва парень оставил сообщение в анархистском телеграмм-чате. Он предупредил, что сейчас в здании ФСБ произойдет теракт, взял на себя ответственность и объяснил мотивы.

«Так как ФСБ <оборзело>, фабрикует дела и пытается людей, я решился пойти на это», – написал террорист.

То есть это не что-то личное, это вполне себе политическое действие. Теракт как метод политической борьбы – не зря многие тут же вспомнили народовольцев. Сходство тем более чудовищное, если помнить о различиях: те юные смертники, террористы 19 века, жили при монархизме, когда гражданские права и свободы не были не то, что признаны Россией, но даже и сформулированы

должным образом, а из каналов распространения информации имелись в лучшем случае ежедневные газеты.

И вот, полтора столетия спустя, в демократическом государстве, где есть выборы и многопартийность, где провозглашена свобода слова и убеждений, где в считанные секунды ты можешь рассказать о своих идеях и требованиях многомиллионной аудитории, недовольный молодой человек вновь делает и взрывает бомбу. Парень, который родился и вырос в путинской России, не увидел другого способа донести до людей свой протест против пыток и фабрикации уголовных дел.

Этот взрыв, на мой взгляд, лучше, чем любая колонка политолога или отчет Human Rights Watch, доказывает, что в России нет условий для политического активизма. Несмотря на Конституцию, сотни зарегистрированных партий и регулярные выборы. Это все не работает – по крайней мере, так увидел это молодой человек, которому было что сказать власти.

Он не вышел с пикетом. Не стал собирать митинг. Не опубликовал статью, манифест, открытое письмо с требованием перестать фабриковать дела и пытать людей. Он не пошел ни в одну из партий с предложением включить этот пункт в политическую программу. Он не обратился к своему депутату в Госдуме.

Скажите, парень был слишком юн, чтобы додуматься до таких взрослых вещей? Но в том-то и дело, что такой выход, как повзрослеть, «я вырасту и все исправлю» – он тоже для себя не увидел.

Для разговора о гражданских правах с ФСБ он выбрал бомбу.

Думаю, что ФСБ в Архангельске отдувалась за всю систему. Все правоохранительные органы действуют схожим образом и, даже если и грызутся между собой, то по отношению к гражданам на редкость единодушны. Наказать. Доказать вину и засудить – вот их единственная задача. Не важна фактическая сторона дела. Не важна мотивация и виновность, то есть умысел. Хватит и малейшей формальной зацепки, чтобы человека затащило в жернова судопроизводства. И если уголовное обвинение доходит до суда – то суд примет обвинительный приговор. По-другому не бывает.

Государство открыто прессует тех, кто ему не лоялен. Не нужно иной причины, кроме взглядов и убеждений. Вот свежий пример – как в День народного единства задерживали Артема Милушкина, организатора согласованного митинга против коррупции и полицейского произвола.

Артем ехал с женой и детьми в автомобиле, его остановили на въезде в город для проверки документов. Из крайнего левого ряда остановили – что уже говорит о многом. Потом пригласили пройти в автомобиль ГИБДД. Потом подъехал еще один автомобиль – черный «мицубиси» с частными номерами, из него выбежали бойцы в штатском, кинули Артема лицом в грязь, а потом силком затащили в свою машину и увезли. Это могли быть бандиты, хотя невозмутимость гибэдэдэшников доказывает, что нет, это были «свои».

Потом Лия Милушкина нашла мужа на Комиссаровском – ему предъявили неповиновение полиции и задержали в отделении на двое суток. Пришлось, правда, отпустить после звонка в службу собственной безопасности. Посмотрим, что будет дальше.

Это пример нарочитой и адресной агрессии со стороны силовиков. Но не надо думать, что касается только активистов.

Касается каждого, кто случайно или нет соприкасается со службами, облеченными правом на насилие. Дело в том, что они наслаждаются этим своим правом.

Я вспоминаю полицейского, который не так давно остановил меня на улице. Это очевидно была случайность, просто проверить номер рамы у велосипеда, но уже через пять минут патрульный угрожал задержать меня и доставить в отделение. Он сделал все, чтобы как можно дольше не дать мне пойти по своим делам; даже когда проверил раму, даже когда проверил паспорт и пробил по базам фамилию – он продолжал рассказывать мне о своих правах и моих обязанностях. Он с удовольствием тратил время, демонстрируя свою маленькую власть.

Сильное государство. Сильный президент, сильный губернатор. Страна, власть в которой принадлежит силовикам.

Поколение, к которому принадлежал архангельский подрывник, выросло в этой атмосфере. Они знают, что на митинги ходить нельзя – разгонят, а то и побьют, потом осудят. Они знают, что одиночные пикеты наказуемы. Они видят, что только в определенном наборе партий ты можешь безболезненно состоять и только определенный спектр мнений можно высказывать без опаски. Это поколение выучило на примерах, что в суде справедливости не добьешься – суд проштампует решение, с которым пришел товарищ майор.

Многолетнее ограничение политических и гражданских свобод создало в России не просто несвободное, а репрессивное государство. Государство, с которым небезопасно и страшно иметь дело. Каждый представитель этого государства считает своим долгом использовать свою власть против гражданина. Это не только силовики. Органы опеки, судебные приставы, пожарные инспекторы – все будут против вас, если выдаться случай. Признать ошибку, проявить снисхождение, простить – такие опции тут недоступны.

Репрессивное по отношению к собственным гражданам государство теперь встречает ответочку. Юный гражданин, который видел от власти только запреты и наказания, не мог и придумать другого способа коммуникации. Жестокость порождает жестокость. Безжалостное государство произвело на свет гражданина, который сделал смерть своим аргументом.

Надейтесь, что он исключение.

Разрешение поставленных перед комиссией специалистов вопросов предполагает необходимость решения следующих **частных экспертных задач**:

1. исследование спорного текста с целью установления его смысловой направленности в целом в отношении идеологии терроризма (системы представлений, взглядов, состоящей из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в социальной группе террористов) и практики терроризма (отдельных террористических деяний или их совокупности);

2. выявление в спорном тексте высказываний, выражающих оценочные, обобщающие, концептуальные и аналитические суждения (выводы, заключения), содержание которых может быть описано следующим образом:

- суждения, выражающие оценку идеологии и (или) практики терроризма как правильных, справедливых, разумных, практически полезных;

- суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможная в будущем деятельность адресата текста являются целесообразными для адресата текста, с необходимостью вытекают из тех или иных явлений реальной действительности (являются необходимым, неизбежным следствием реально существующих обстоятельств) — тем самым нуждаются в подражании;
- суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможные в будущем действия иных (отличных от адресата текста) лиц являются целесообразными для адресата текста, с необходимостью вытекают из тех или иных явлений реальной действительности (являются необходимым, неизбежным следствием реально существующих обстоятельств) — тем самым нуждаются в поддержке.

3. синтез результатов исследования, формулирование выводов по поставленным перед комиссией специалистов-лингвистов вопросам.

3. Исследование спорного текста

Структурно-тематический, лексико-семантический и семантико-синтаксический анализ исследуемого текста показывает, что он (текст) может быть представлен в виде последовательности следующих структурных коммуникативных блоков.

1. **Заголовок** «Репрессии для государства».

2. Комментарий редакции, содержащий **анонс публикации**, представленной исследуемым текстом:

«Эхо Москвы в Пскове» (102.6 FM) представляет очередной выпуск программы «Минутка просветления». Журналист Светлана Прокопьева высказывает свое мнение и проливает свет на то, что осталось в тени, но заслуживает внимания. Псковская Лента Новостей публикует текстовую версию выпуска передачи.

Данный комментарий, выделенный полужирным шрифтом, в отличие от основного текста публикации, где автор говорит от первого лица («Именно так **я** понимаю самое громкое событие прошлой недели – взрыв в архангельском ФСБ», «Этот взрыв, на **мой** взгляд, лучше, чем любая колонка политолога или отчет Human Rights Watch, доказывает, что в России нет условий для политического активизма» и т. п.), содержит представление автора в третьем лице и ссылку на выпуск радиопрограммы «Минутка просветления» как на источник публикуемого материала: исследуемый текст характеризуется как **«текстовая версия выпуска передачи»**.

Как показано в разделе 2 настоящего заключения, текст авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства» в целом квалифицируется как полностью тождественное в смысловом отношении, близкое к дословному воспроизведение речевого содержания представленной фонограммы — записи радиозаписи авторской программы С. В. Прокопьевой «Минутка просветления» от 08.11.2018.

С учетом изложенного, заголовок и комментарий редакции не являются частью авторского текста.

3. **Лид**, или первый абзац статьи, выполняющий функцию зачина и содержащий завязку повествования:

Яблоко от яблони недалеко падает. Суровое государство, с жесткой, точнее, жестокой правоохранительной системой, для которой главное – наказать преступника, а не защитить права,

воспитало соответствующее поколение граждан. Именно так я понимаю самое громкое событие прошлой недели – взрыв в архангельском ФСБ.

По общему правилу, такие элементы публицистического текста, как заголовок, подзаголовок и лид, выполняют функцию привлечения к публикации внимания ее целевой аудитории. Автор сообщает в этих элементах тот фрагмент или те фрагменты информации, затем более детально излагаемой в основном тексте публикации, которые, с его точки зрения, являются наиболее яркими, способны обратить на себя внимание читателя и побудить его к прочтению статьи целиком. В качестве таких фрагментов могут выступать сведения самого разного типа: фактические, оценочные, аналитические и т. д. Информация, выносимая в заголовок, подзаголовок и лид, как правило, облекается в наиболее яркую, броскую форму. Характерно использование метафор, гипербол, риторических вопросов, парадоксальных суждений, игры слов, фразеологических и устойчивых единиц всех типов, включая пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые выражения, и т. п.

В данном случае лид содержит упоминание о конкретном событии, послужившем информационным поводом к публикации спорного текста, вызвавшем широкий общественный резонанс и получившем освещение в СМИ, которое можно отнести, таким образом, к категории общеизвестных, — взрыв в здании Управления ФСБ в Архангельске, квалифицированный правоохранительными органами как террористический акт.

Автор оценивает указанный теракт как «самое громкое событие прошлой недели» и выносит в лид один из основных выводов, представленных в основном тексте статьи, — вывод о причастности российского государства в целом и органов его правоохранительной системы в частности, считающих, по мысли автора, задачу наказания преступника более приоритетной по сравнению с задачей защиты прав граждан, к созданию условий, сделавших возможными события, подобные теракту, который послужил информационным поводом к публикации исследуемого текста. В наиболее сжатом, емком и образном виде этот вывод представлен в начальном высказывании «Яблоко от яблони недалеко падает» — в форме русской пословицы.

Информация, содержащаяся в лиде, не может трактоваться как самостоятельная по отношению к основному тексту публикации и не может рассматриваться изолированно, в отрыве от основного текста.

4. Коммуникативный блок, содержащий описание события, послужившего информационным поводом к публикации спорного текста:

31 октября в центре Архангельска 17-летний парень вошел в здание ФСБ с самодельным взрывным устройством. Он привел его в действие прямо на рамках металлодетектора. Погиб только сам подрывник. Трое сотрудников ФСБ получили ранения.

Буквально за несколько минут до взрыва парень оставил сообщение в анархистском телеграмм-чате. Он предупредил, что сейчас в здании ФСБ произойдет теракт, взял на себя ответственность и объяснил мотивы.

«Так как ФСБ <оборзело>, фабрикует дела и пытается людей, я решил пойти на это», — написал террорист.

Данный коммуникативный блок содержит сведения преимущественно и почти исключительно фактического типа, включая информацию о времени и месте описываемого террористического акта, его непосредственных фактических результатах (смерть террориста, ранение троих сотрудников ФСБ), а также цитату из предсмертного сообщения

террориста, оставленного в анархистском чате, содержащую сведения о мотивах, которыми он руководствовался при совершении самоподрыва.

В качестве таких мотивов, согласно приведенной автором цитате, террорист указал практику фабрикации уголовных дел и пыток, применяемых к их фигурантам, органами ФСБ.

5. Высказывание, содержащее авторское суждение о квалификации теракта, о котором идет речь, как совершенного по политическим мотивам:

То есть это не что-то личное, это вполне себе политическое действие.

Высказывание вводится пояснительным союзом *то есть*, который, по данным специального «Объяснительного словаря русского языка», наиболее полно и системно описывающего значения служебной лексики современного русского языка, употребляется в современном русском языке для присоединения слов, словосочетаний или второй части сложносочиненного предложения, которые конкретизируют, дополняют, развивают, разъясняют ранее высказанную мысль либо дают более точную или более выразительную формулировку высказанной мысли, обозначают ее скрытый смысл. С учетом изложенного, высказывание имеет форму вывода, основанного на сведениях, сообщенных в предыдущем контексте, а именно на приведенной цитате из предсмертного сообщения террориста.

Автор, основываясь на сообщении террориста о мотивах совершенного им теракта, квалифицирует последний как совершенный по политическим мотивам.

6. Коммуникативный блок, содержащий преимущественно информацию концептуального типа, представленную суждениями об исторических причинах возникновения явления политического терроризма в XIX веке, о его истоках и корнях, а также об условиях, ведущих к возрождению политического терроризма в современной России:

Теракт как метод политической борьбы – не зря многие тут же вспомнили народовольцев. Сходство тем более чудовищное, если помнить о различиях: те юные смертники, террористы 19 века, жили при монархии, когда гражданские права и свободы не были не то, что признаны Россией, но даже и сформулированы должным образом, а из каналов распространения информации имелись в лучшем случае ежедневные газеты.

И вот, полтора столетия спустя, в демократическом государстве, где есть выборы и многопартийность, где провозглашена свобода слова и убеждений, где в считанные секунды ты можешь рассказать о своих идеях и требованиях многомиллионной аудитории, недовольный молодой человек вновь делает и взрывает бомбу. Парень, который родился и вырос в путинской России, не увидел другого способа донести до людей свой протест против пыток и фабрикации уголовных дел.

Этот взрыв, на мой взгляд, лучше, чем любая колонка политолога или отчет Human Rights Watch, доказывает, что в России нет условий для политического активизма. Несмотря на Конституцию, сотни зарегистрированных партий и регулярные выборы. Это все не работает – по крайней мере, так увидел это молодой человек, которому было что сказать власти.

В начальном высказывании данного коммуникативного блока «Теракт как метод политической борьбы – не зря многие тут же вспомнили народовольцев» автор ссылкой на анонимный источник сведений («многие тут же вспомнили») сообщает, что в период времени, предшествующий публикации исследуемого текста, не называемые и не

описанные в спорном тексте лица высказали сравнение теракта, о котором идет речь, с деятельностью народовольцев XIX века. Основание сравнения в описанном контексте является самоочевидным: террористическая деятельность народовольцев и теракт, о котором идет речь, совпадают по признаку их отнесенности к связанной с противоправными насильственными действиями практике воздействия на принятие решения органами государственной власти.

Автор указывает на совокупность общественных условий, способствовавших (данное суждение не выражено в явной либо скрытой форме, носит в исследуемом тексте пресуппозитивный характер) возникновению в XIX веке террористической практики, осуществляемой представителями организации «Народная воля». К числу таких условий, по мысли автора, относятся:

- монархический строй («при монархизме»);
- отсутствие в Российской империи механизма защиты гражданских прав и свобод («гражданские права и свободы не были... признаны Россией») и их надлежащего («должным образом») определения («сформулированы») в законодательстве;
- отсутствие каналов эффективного распространения информации («из каналов распространения информации имелись в лучшем случае ежедневные газеты»).

Автор противопоставляет описанные условия, существовавшие в XIX веке, современному официально существующему положению дел:

- демократическому строю («в демократическом государстве»);
- существованию множества официально зарегистрированных политических партий («в... государстве, где есть выборы и многопартийность», «Несмотря на... сотни зарегистрированных партий»);
- существованию института выборов в органы власти («в... государстве, где есть выборы и многопартийность», «Несмотря на... регулярные выборы»);
- провозглашенным Конституцией РФ свободам выражения мнения и убеждений («в... государстве... где провозглашена свобода слова и убеждений», «Несмотря на Конституцию»);
- существованию современных каналов распространения информации, позволяющих «в считанные секунды... рассказать о своих идеях и требованиях многомиллионной аудитории».

Указав на описанные различия в общественных условиях, существующие между Российской империей XIX века и современной Российской Федерацией, автор характеризует сходство между терактом, о котором идет речь, и террористической практикой в деятельности организации «Народная воля» (как указано выше, террористическая деятельность народовольцев и теракт, о котором идет речь, совпадают по признаку их отнесенности к связанной с противоправными насильственными действиями практике воздействия на принятие решения органами государственной власти): автор прямо негативно оценивает это сходство как *чудовищное* («приобретшее уродливые формы; потрясающее своей нелепостью, безобразием»), обращая тем самым внимание читателя на антагонистическое противоречие, существующее между описанными современными общественными условиями, полностью противоположными условиям XIX века, создавшим объективные предпосылки для политического терроризма народовольцев, и фактом

совершения политически мотивированного террористического акта в современной РФ («недовольный молодой человек вновь делает и взрывает бомбу» с целью «донести до людей свой протест против пыток и фабрикации уголовных дел»).

Смысловое содержание, выражаемое глаголом *увидеть* в значении ‘обнаружить (найти, отыскать; выявить, установить что-либо, сделать очевидным, явным), заметить (обратить внимание на что-либо)’ в сочетании с отрицательной частицей *не*, включает в себя пресуппозитивные сведения о том, что объект (предмет, явление), который остался не обнаруженным, не найденным субъектом, — объект, на который субъект не обратил внимания, — в действительности существует.

С учетом изложенного, высказывание «Парень, который родился и вырос в путинской России, не увидел другого способа донести до людей свой протест против пыток и фабрикации уголовных дел», где прилагательное с местоименной семантикой *другой* в значении ‘не такой, как этот (или прежний); иной’ анафорически отсылает к ближайшему предыдущему контексту, содержащему сведения о совершенном теракте как способе выражения политического протеста против практики пыток и фабрикации уголовных дел сотрудниками ФСБ, содержит, в частности, следующие сведения:

- ‘в действительности существуют способ или способы выражения протеста против практики пыток и фабрикации уголовных дел сотрудниками ФСБ, отличные от совершения терактов’;
- ‘лицо, совершившее теракт, послуживший информационным поводом для публикации исследуемого текста, не нашло, не заметило и (или) не обратило внимания на указанные способ или способы’.

Автор, подчеркивая субъективный характер выражаемого мнения (маркер выражения мнения — вводный оборот *на мой взгляд*), высказывает суждение о том, что описанные в исследуемом тексте фактические обстоятельства (совершенный теракт; содержание предсмертного сообщения террориста) в совокупности являются серьезным доводом в пользу истинности обобщающего концептуального суждения о том, что по состоянию на период времени, к которому относится публикация исследуемого текста, «в России нет условий для политического активизма».

Развивая и разъясняя это концептуальное обобщающее суждение, автор высказывает суждение, также относящееся к виду концептуальных обобщающих, о том, что общественные условия, реально существующие в современной РФ, в действительности отличаются от описанного в данном коммуникативном блоке официального, формально существующего легального положения дел, противоположного условиям XIX века, также описанным в данном коммуникативном блоке («Этот взрыв, на мой взгляд, лучше, чем любая колонка политолога или отчет Human Rights Watch, доказывает, что в России нет условий для политического активизма. Несмотря на Конституцию, сотни зарегистрированных партий и регулярные выборы. Это все не работает»).

В сочетании с местоименным наречием *так*, предполагающим существование различных способов восприятия, реализуется синсемичное указанному наречию значение глагола *увидеть* ‘понять, осознать’.

С учетом изложенного, в данном коммуникативном блоке автор высказывает также суждение о том, что лицо, совершившее террористический акт, о котором идет речь, также пришло к выводу о том, что общественные условия, реально существующие в современной РФ, в действительности отличаются от описанного в данном коммуникативном блоке

официального, формально существующего легального положения дел, противоположного условиям XIX века, также описанным в данном коммуникативном блоке («по крайней мере, так увидел это молодой человек, которому было что сказать власти»).

Суждение о существенном отличии реальных общественных условий в современной России от официального, формально существующего легального положения дел в областях соблюдения гражданских прав и свобод, демократических институтов и механизмов, институтов и инструментов публичной политической борьбы позволяет автору разрешить выявленное и описанное в данном коммуникативном блоке антагонистическое противоречие между описанными современными общественными условиями, полностью противоположными условиям XIX века, создавшим объективные предпосылки для политического терроризма народовольцев, и фактом совершения политически мотивированного террористического акта в современной РФ.

7. Коммуникативный блок, содержащий сведения о способах выражения протеста против практики пыток и фабрикации уголовных дел сотрудниками ФСБ, отличных от совершения терактов, которые, по мысли автора, выраженной в предыдущем коммуникативном блоке, лицо, совершившее теракт, о котором идет речь, не нашло, не заметило, на которые оно не обратило внимания:

Он не вышел с пикетом. Не стал собирать митинг. Не опубликовал статью, манифест, открытое письмо с требованием перестать фабриковать дела и пытаться людей. Он не пошел ни в одну из партий с предложением включить этот пункт в политическую программу. Он не обратился к своему депутату в Госдуме.

Скажите, парень был слишком юн, чтобы додуматься до таких взрослых вещей? Но в том-то и дело, что такой выход, как повзрослеть, «я вырасту и все исправлю» – он тоже для себя не увидел.

Для разговора о гражданских правах с ФСБ он выбрал бомбу.

Автор называет в данном коммуникативном блоке следующие способы выражения протеста, альтернативные террористическим методам:

- пикетирование;
- организация митинга;
- публикация информационных материалов с обращенными к представителям государственной власти требованиями прекратить практику, о протесте против которой идет речь;
- обращение за содействием в разрешении проблем, вызвавших протест, к политическим партиям;
- обращение за содействием в разрешении проблем, вызвавших протест, в органы представительной власти.

Автор в форме риторического вопроса высказывает предположение о том, что причиной, по которой лицо, совершившее теракт, послуживший информационным поводом для публикации исследуемого текста, не нашло, не заметило и (или) не обратило внимания на перечисленные способы выражения протеста, послужила незрелость, юный возраст террориста, и, вновь используя сочетание глагола *увидеть* с отрицательной частицей *не*, высказывает суждение о том, что:

- ‘в действительности существует способ решения проблемы практики пыток и фабрикации уголовных дел сотрудниками ФСБ, отличный от немедленного выражения протеста, состоящий в том, чтобы с течением времени *повзрослеть*,

вырасти ('стать взрослым, зрелым или более взрослым, зрелым — достичь полного развития') — занять положение в обществе, достаточно влиятельное для решения указанной проблемы';

- 'лицо, совершившее теракт, послуживший информационным поводом для публикации исследуемого текста, не нашло, не заметило и (или) не обратило внимания на указанный способ'.

8. Коммуникативный блок, содержащий обобщающие и концептуальные сведения о практике деятельности современных правоохранительных и судебных органов в Российской Федерации:

Думаю, что ФСБ в Архангельске отдувалась за всю систему. Все правоохранительные органы действуют схожим образом и, даже если и грызутся между собой, то по отношению к гражданам на редкость единодушны. Наказать. Доказать вину и засудить – вот их единственная задача. Не важна фактическая сторона дела. Не важна мотивация и виновность, то есть умысел. Хватит и малейшей формальной зацепки, чтобы человека затащило в жернова судопроизводства. И если уголовное обвинение доходит до суда – то суд примет обвинительный приговор. По-другому не бывает. Государство открыто прессует тех, кто ему не лоялен. Не нужно иной причины, кроме взглядов и убеждений.

Автор, подчеркивая субъективизм высказываемых в данном блоке суждений («Думаю, что...»), рисует обобщенную картину деятельности правоохранительных и судебных органов, обслуживающих потребности действующей власти и, в частности, оказывающих давление («прессующих») на *нелояльных* ('не являющихся лояльными — не хранящих верность существующей государственной власти, государственному порядку') граждан, основанное только и исключительно на свойственных таким гражданам взглядах и убеждениях.

9. Коммуникативный блок, содержащий преимущественно фактические сведения об обстоятельствах задержания на въезде в г. Псков организатора согласованного митинга против коррупции и полицейского произвола А. Милушкина в День народного единства:

Вот свежий пример – как в День народного единства задерживали Артема Милушкина, организатора согласованного митинга против коррупции и полицейского произвола.

Артем ехал с женой и детьми в автомобиле, его остановили на въезде в город для проверки документов. Из крайнего левого ряда остановили – что уже говорит о многом. Потом пригласили пройти в автомобиль ГИБДД. Потом подъехал еще один автомобиль – черный «мицубиси» с частными номерами, из него выбежали бойцы в штатском, кинули Артема лицом в грязь, а потом силком затащили в свою машину и увезли. Это могли быть бандиты, хотя невозмутимость гибэдэдэшников доказывает, что нет, это были «свои».

Потом Лия Милушкина нашла мужа на Комиссаровском – ему предъявили неповиновение полиции и задержали в отделении на двое суток. Пришлось, правда, отпустить после звонка в службу собственной безопасности. Посмотрим, что будет дальше.

Это пример нарочитой и адресной агрессии со стороны силовиков.

Изложенная в данном коммуникативном блоке совокупность фактов, формирующая законченную историю, используется в исследуемом тексте как пример, иллюстрирующий и

составляющий частичную фактическую основу авторских концептуальных суждений, выраженных в предыдущем коммуникативном блоке (о репрессивной в отношении «неверных», инакомыслящих относительно представителей действующей власти граждан практике деятельности современных правоохранительных и судебных органов в Российской Федерации).

10. Коммуникативный блок, содержащий преимущественно фактические сведения об обстоятельствах проверки рамы велосипеда автора сотрудником полиции:

Но не надо думать, что касается только активистов. Касается каждого, кто случайно или нет соприкасается со службами, облеченными правом на насилие. Дело в том, что они наслаждаются этим своим правом.

Я вспоминаю полицейского, который не так давно остановил меня на улице. Это очевидно была случайность, просто проверить номер рамы у велосипеда, но уже через пять минут патрульный угрожал задержать меня и доставить в отделение. Он сделал все, чтобы как можно дольше не дать мне пойти по своим делам; даже когда проверил раму, даже когда проверил паспорт и пробил по базам фамилию – он продолжал рассказывать мне о своих правах и моих обязанностях. Он с удовольствием тратил время, демонстрируя свою маленькую власть.

Изложенная в данном коммуникативном блоке совокупность фактов, формирующая законченную историю, используется в исследуемом тексте как пример, иллюстрирующий и составляющий частичную фактическую основу авторских концептуальных суждений, выраженных в предыдущем коммуникативном блоке (о практике деятельности современных правоохранительных и судебных органов в Российской Федерации).

11. Коммуникативный блок, содержащий обобщающие и концептуальные сведения о практике деятельности органов власти в Российской Федерации:

Сильное государство. Сильный президент, сильный губернатор. Страна, власть в которой принадлежит силовикам.

Поколение, к которому принадлежал архангельский подрывник, выросло в этой атмосфере. Они знают, что на митинги ходить нельзя – разгонят, а то и побьют, потом осудят. Они знают, что одиночные пикеты наказуемы. Они видят, что только в определенном наборе партий ты можешь безболезненно состоять и только определенный спектр мнений можно высказывать без опаски. Это поколение выучило на примерах, что в суде справедливости не добьешься – суд проштампует решение, с которым пришел товарищ майор.

Многолетнее ограничение политических и гражданских свобод создало в России не просто несвободное, а репрессивное государство. Государство, с которым небезопасно и страшно иметь дело. Каждый представитель этого государства считает своим долгом использовать свою власть против гражданина. Это не только силовики. Органы опеки, судебные приставы, пожарные инспекторы – все будут против вас, если выдаться случай. Признать ошибку, проявить снисхождение, простить – такие опции тут недоступны.

Автор завершает обобщенную картину деятельности правоохранительных и судебных органов, развивая мысли, ранее выраженные им в блоке 8, и распространяя обобщенную характеристику деятельности правоохранительных и судебных органов как деятельности репрессивной на деятельность иных государственных органов.

В данном коммуникативном блоке автор делает также акцент на аналитических суждениях о том, каким образом описываемое им состояние государства и общества повлияло на мировоззрение молодежи.

12. Заключительный коммуникативный блок, в котором автор описывает причинно-следственную связь между обобщенно описанной в спорном тексте репрессивной деятельностью государственных структур и терактом, послужившим информационным поводом к публикации текста:

Репрессивное по отношению к собственным гражданам государство теперь встречает ответочку. Юный гражданин, который видел от власти только запреты и наказания, не мог и придумать другого способа коммуникации. Жестокость порождает жестокость. Безжалостное государство произвело на свет гражданина, который сделал смерть своим аргументом.

Надейтесь, что он исключение.

Мысль о существовании причинно-следственной связи между репрессивной практикой государства и террористическим актом, о котором идет речь, повторяется в данном коммуникативном блоке четырежды, подается в разных аспектах:

- в первом высказывании «Репрессивное по отношению к собственным гражданам государство теперь встречает ответочку» автор использует для обозначения указанного теракта жаргонизм *ответочка*, обозначающий месть, акт возмездия, отпор;
- в высказывании «Юный гражданин, который видел от власти только запреты и наказания, не мог и придумать другого способа коммуникации», где частица *и* (по данным специального «Объяснительного словаря русского языка», употребляется в современном русском языке для усиления значения слова, перед которым стоит, для выделения, подчеркивания его) обеспечивает дополнительную экспрессию, а сказуемое «не мог и придумать» не допускает буквальной интерпретации как указывающего на детерминированность причинно-следственной связи, обязательность следствия, о котором говорится, поскольку в спорном тексте, как показано выше, прямо указываются легальные способы выражения протеста и решения проблемы пыток и фабрикация уголовных дел со стороны сотрудников ФСБ, иным способом, отличным от террористического. Формальное (соответствующее буквальной интерпретации данного высказывания) утверждение о том, что нельзя придумать тот способ, который реально существует и на который автор указывает как на реально существующий, является очевидно абсурдным. С учетом изложенного, данное высказывание интерпретируется как гипербола (очевидное преувеличение), не допускает буквальной интерпретации как утверждения о совершении террористического акта как единственно возможном способе выражения протеста, являющемся обязательным следствием репрессивной политики государства в отношении инакомыслящих и иных граждан, не проявляющих лояльности (верности, приверженности проводимой государством политике);
- высказывание «Жестокость порождает жестокость» выражает указанную мысль в наиболее общей, концептуальной форме философско-социологического суждения, близкого к трюизму (общеизвестной, избитой истине);

- **высказывание** «Безжалостное государство произвело на свет гражданина, который сделал смерть своим аргументом» возлагает на репрессивную деятельность государства ответственность за создание условий, сделавших возможными террористический акт, послуживший информационным поводом к публикации спорного текста.

Ни в одном из описанных высказываний причинно-следственная связь, рассматриваемая автором, не подается как жестко детерминированная, следствие не представляется необходимым, неизбежно вытекающим из причины. Террористический акт не описывается как единственно возможное следствие репрессивной деятельности государства, как единственно возможный способ протеста против практики пыток и фабрикация уголовных дел и тем более — как единственно возможный способ решения указанной социальной проблемы.

Обобщая изложенное, можно констатировать следующее.

1. Информационным поводом к публикации исследуемого текста — авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства», представляющего собой полностью тождественное в смысловом отношении, близкое к дословному воспроизведение речевого содержания представленной фонограммы — записи радиоэфира авторской программы С. В. Прокопьевой «Минутка просветления» от 08.11.2018 — послужило событие, вызвавшее широкий общественный резонанс и получившее освещение в СМИ, которое можно отнести, таким образом, к категории общеизвестных, — взрыв в здании Управления ФСБ в Архангельске, квалифицированный правоохранительными органами как террористический акт.

2. Исследуемый текст содержит сведения о том, что, согласно предсмертному сообщению террориста, мотив совершения указанного теракта носит политический характер; террористический акт представлен террористом как выражение протеста против практики фабрикация уголовных дел и пыток, применяемых к их фигурантам, органами ФСБ.

3. Проводя параллели с формами политической активности, направленной на решение иных социально значимых задач (в частности, коррупция и полицейский произвол), автор тем самым рассматривает действия террориста как частный случай выражения протеста, направленного на привлечение внимания общественности к той или иной существующей, по мнению протестующего, проблеме, имеющей общественную значимость, связанной со злоупотреблением властью со стороны государственных органов, — и тем самым имеющего конечной целью решение такой проблемы.

4. Автор указывает на возможность выбора между двумя существенно различными подходами для гражданина, желающего способствовать решению подобной проблемы:

- а) подход, состоящий в немедленном выражении протеста;
- б) отложенный способ решения проблемы через обретение гражданином влияния, достаточного для ее решения.

5. Автор указывает на существование разных способов выражения протеста при подходе, описанном п. 4.а настоящего списка:

- а) законные способы выражения протеста, включающие в себя, в частности:
 - пикетирование;
 - организацию митинга;

- публикацию информационных материалов с обращениями к представителям государственной власти требованиями прекратить практику, о протесте против которой идет речь;
- обращение за содействием в разрешении проблем, вызвавших протест, к политическим партиям;
- обращение за содействием в разрешении проблем, вызвавших протест, в органы представительной власти;

б) выражение протеста в форме террористического акта.

6. Автор высказывает ряд концептуальных суждений:

- обобщенно характеризующих деятельность современного российского государства как репрессивную, направленную, в частности, на подавление гражданского протеста;
- обобщенно характеризующих общественные условия, реально существующие в современной РФ, как препятствующие политической активности и не соответствующие официальному, формально существующему легальному положению дел в областях соблюдения гражданских прав и свобод, демократических институтов и механизмов, институтов и инструментов публичной политической борьбы:
 - демократическому строю;
 - существованию множества официально зарегистрированных политических партий;
 - существованию института выборов в органы власти;
 - провозглашенным Конституцией РФ свободам выражения мнения и убеждений;
 - существованию современных каналов распространения информации.

В исследуемом тексте приводятся фактические примеры (сведения об обстоятельствах задержания на въезде в г. Псков организатора согласованного митинга против коррупции и полицейского произвола А. Милушкина в День народного единства; сведения об обстоятельствах проверки рамы велосипеда автора сотрудником полиции), иллюстрирующие и составляющие частичную фактическую основу этих суждений.

7. Автор высказывает аналитическое суждение (вывод) о том, что положение дел, описанное п. 6 настоящего нумерованного списка, является фактором, оказывающим влияние на формирование мировоззрения молодежи.

8. Автор высказывает:

- суждение о том, что лицо, совершившее террористический акт, о котором идет речь, также пришло к выводу о том, что общественные условия, реально существующие в современной РФ, в действительности отличаются от официального, формально существующего легального положения дел, аналогичному авторским выводам, описанным п. 6 настоящего нумерованного списка;
- предположение о том, что причиной, по которой лицо, совершившее теракт, послуживший информационным поводом для публикации исследуемого текста, не нашло, не заметило и (или) не обратило внимания на перечисленные в п. 5.а настоящего нумерованного списка легальные способы выражения протеста, а также описанный п. 4.б настоящего списка способ решения

проблемы пыток и фабрикации уголовных дел со стороны сотрудников ФСБ, отличный от протестного, послужила незрелость, юный возраст террориста.

9. Автор усматривает причинно-следственную связь между обстоятельствами, описанными п. 6 и 7 настоящего нумерованного списка, с одной стороны, и обстоятельствами, описанными п. 8 настоящего нумерованного списка, с другой стороны.

Указанная причинно-следственная связь не подается в исследуемом тексте как жестко детерминированная. Террористический акт не описывается как единственно возможное, обязательное следствие репрессивной деятельности государства, как единственно возможный способ протеста против практики пыток и фабрикации уголовных дел и тем более — как единственно возможный способ решения какой-либо социальной проблемы, потенциально способной вызвать гражданский протест.

В частности, исследуемый текст не дает оснований предполагать, что теракт, послуживший информационным поводом к публикации текста, рассматривается автором как закономерное, неизбежное следствие репрессивной политики государства в отношении акций гражданского протеста и неэффективности существующих в современной России механизмов обеспечения гражданских прав и свобод, демократических институтов и механизмов, институтов и инструментов публичной политической борьбы.

10. В исследуемом тексте не выявлено позитивных оценочных суждений, в которых объектом оценки являлась бы практика терроризма (отдельные террористические деяния или их совокупность).

Упоминание о террористической деятельности народовольцев в исследуемом тексте не сопровождается какими-либо оценочными суждениями, носит констатирующий характер: автор со ссылкой на анонимный источник сведений сообщает, что в период времени, предшествующий публикации исследуемого текста, не называемые и не описанные в спорном тексте лица высказали сравнение теракта, о котором идет речь, с деятельностью народовольцев XIX века. Основание сравнения в описанном контексте является самоочевидным: террористическая деятельность народовольцев и теракт, о котором идет речь, совпадают по признаку их отнесенности к связанной с противоправными насильственными действиями практике воздействия на принятие решения органами государственной власти.

Само по себе сравнение с членами организации «Народная воля» и их террористической деятельностью объективно не может трактоваться как позитивная оценка характеризуемого таким сравнением лица или деяния. Подобное сравнение может быть воспринято как позитивно характеризующее лицо, являющееся объектом сравнения с народовольцами, лишь читателем, положительно относившимся к той или иной террористической практике (в частности, к террористической деятельности народовольцев) и до знакомства с исследуемым текстом, например, вынесшим такую оценку из школьного курса истории, пройденного в советской школе, и не давшим себе труда привести свое мировоззрение в соответствие требованиям действующего законодательства о противодействии терроризму. Такие субъективные особенности восприятия не являются объективно выявляемыми свойствами текста и не могут рассматриваться как его объективное содержание.

11. Исследуемый текст не содержит каких бы то ни было сведений об идеологии терроризма (системе представлений, взглядов, состоящей из морально-нравственных правил, норм и оценок, преобладающих в социальной группе террористов).

12. В исследуемом тексте не выявлено высказываний, в которых выражалось бы отношение к практике терроризма или отдельным террористическим действиям как к правильным, справедливым, разумным, практически полезным. Террористический акт, послуживший поводом к публикации исследуемого текста, представлен как следствие незрелости террориста.

13. В исследуемом тексте указывается ряд легальных альтернатив террористической деятельности, которые могут быть использованы гражданами, желающими решить ту или иную проблему злоупотребления властью со стороны государственных органов либо выразить свой протест против такого злоупотребления.

Автор привлекает внимание читателя к существованию проблемы репрессивного подавления легальной протестной активности со стороны органов современной российской государственной власти, затрудняющей, но не исключающей реализацию этих альтернатив. Объектом авторской критики выступает практика незаконного, не соответствующего Конституции и противоречащего основам конституционного строя РФ подавления протестной активности, которая, по мнению автора, способствует обращению молодежи к практике террористической деятельности, но не вызывает такое обращение в обязательном порядке, как нечто неизбежное. Рассуждая о том, что репрессивная деятельность государства создает условия для перехода протестно настроенных граждан к террористическим методам политической борьбы, автор не высказывает суждений о жесткой детерминированности такого перехода, не оценивает этот переход как закономерное следствие, с необходимостью вытекающее из репрессивной деятельности государства.

С учетом изложенного, в исследуемом тексте отсутствуют суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможная в будущем деятельность адресата текста являются целесообразными для адресата текста, с необходимостью вытекают из тех или иных явлений реальной действительности (являются необходимым, неизбежным следствием реально существующих обстоятельств) — тем самым нуждаются в подражании.

Полностью аналогичным образом, в исследуемом тексте отсутствуют суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможные в будущем действия иных (отличных от адресата текста) лиц являются целесообразными для адресата текста, с необходимостью вытекают из тех или иных явлений реальной действительности (являются необходимым, неизбежным следствием реально существующих обстоятельств) — тем самым нуждаются в поддержке.

Таким образом, в спорном тексте **отсутствуют** высказывания и иные коммуникативные блоки, содержание которых (включая их пресуппозицию) могло бы быть описано следующим образом:

- суждения, выражающие оценку идеологии и (или) практики терроризма как правильных, справедливых, разумных, практически полезных;
- суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможная в будущем деятельность адресата текста являются целесообразными для адресата текста, с необходимостью вытекают из тех или иных явлений реальной действительности (являются необходимым, неизбежным следствием реально существующих обстоятельств) — тем самым нуждаются в подражании;

- суждения, согласно которым идеология и (или) практика терроризма как возможные в будущем действия иных (отличных от адресата текста) лиц являются целесообразными для адресата текста, с необходимостью вытекают из тех или иных явлений реальной действительности (являются необходимым, неизбежным следствием реально существующих обстоятельств) — тем самым нуждаются в поддержке.

Основным объектом авторской критики, содержащейся в спорном тексте, выступает практика подавления протестной активности, которая, по мнению автора, способствует обращению молодежи к практике террористической деятельности, создает условия для такого обращения, хотя и не вызывает такого обращения в обязательном порядке.

Соответственно, можно констатировать, что основная коммуникативная цель автора состоит в привлечении внимания читателя к практике подавления со стороны государства протестной активности граждан. Автор усматривает общественную опасность такого подавления в том, что оно способствует обращению молодежи к практике террористической деятельности, создает условия для такого обращения.

ВЫВОДЫ:

1. По вопросу № 1 — «Имеются ли в тексте авторского печатного материала Прокопьевой С.В. «Репрессии для государства» высказывания, в которых выражается признание идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании; если имеются, то какие именно это высказывания?»

В представленном тексте авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства» **НЕ** имеется высказываний, в которых выражается **признание идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.**

2. По вопросу № 2 — «Может ли словосочетание «заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании» (в диспозиции прим. 1 к ст.205² УК РФ) рассматриваться как описательное в отношении текста авторского печатного материала Прокопьевой С.В. «Репрессии для государства» в целом или каких-то его фрагментов?»

Словосочетание «заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании»

НЕ может рассматриваться как описательное в отношении текста авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства» в целом или каких-то его фрагментов.

3. По вопросу № 3 — «Содержатся ли в представленном тексте авторского печатного материала Прокопьевой С.В. «Репрессии для государства» лингвистические признаки оправдания терроризма?»

В представленном тексте авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства» **НЕ** содержится лингвистических признаков оправдания терроризма.

4. Выводы об установленных в ходе проведенного экспертного исследования обстоятельствах, которые, по мнению комиссии специалистов-лингвистов, могут иметь значение для разрешения уголовного дела, но в отношении которых вопросы не были поставлены.

4.1. Основная коммуникативная цель автора состоит в привлечении внимания читателя к практике подавления со стороны государства протестной активности граждан. Автор усматривает общественную опасность такого подавления в том, что оно способствует обращению молодежи к практике террористической деятельности, создает условия для такого обращения.

4.2. Текст авторского печатного материала С. В. Прокопьевой «Репрессии для государства» представляет собой полностью тождественное в смысловом отношении, близкое к дословному воспроизведение речевого содержания представленной фонограммы — записи радиозэфира авторской программы С. В. Прокопьевой «Минутка просветления» от 08.11.2018.

* * *

Члены комиссии специалистов-лингвистов:

Председатель комиссии,
член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
начальник научно-методического отдела
РОО ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук,

И.В. ЖАРКОВ

Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
ученый секретарь ГЛЭДИС,
академик РАЕН,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русской словесности и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка
им А.С. Пушкина

А.С. МАМОНТОВ

Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
доктор филологических наук,
профессор кафедры массовой
коммуникации филологического
факультета Российского
университета дружбы народов

Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЭКСПЕРТОВ ЗАВЕРЯЮ:

*М.В.ГОРБАНЕВСКИЙ,
председатель Правления Гильдии,
доктор филологических наук, профессор,
академик РАЕН*

м.п.

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.